

Научная статья
УДК 93, 930
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.004

РОЛЬ ОТХОЖИХ ПРОМЫСЛОВ БЕЛОМОРСКИХ КАРЕЛОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Ирина Сергеевна Нестерова

Кафедра зарубежной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия, ines@petrsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7138-691X>

Аннотация

Статья посвящена изучению отхожих промыслов жителей Беломорской Карелии, которые получили развитие в поисках ими путей выживания в сложных природно-климатических условиях. Преимущественное значение в ряду отхожих промыслов для населения карельских волостей, прилегающих к Поморью, имело морское рыболовство на Мурмане и побережье Белого моря. Извозничество служило другим видом отходничества, являясь характерным для населения северных, западных и южных волостей Беломорской Карелии. Жители западных волостей, прежде всего Ухтинской и Вокнаволоцкой, в большей степени были ориентированы на ведение корабейнической торговли на территории Финляндии. При этом занятие извозом у населения этих регионов вполне можно считать механизмом корабейнической торговли. Исследование осуществлено на базе отечественных и зарубежных источников и исследовательской литературы, позволяющих сделать вывод о преобладающем значении отхожих промыслов в экономике региона. Земледелие имело второстепенное значение, являясь лишь дополнительным источником пропитания карельских семей.

Ключевые слова:

беломорские карелы, отхожие промыслы, морское рыболовство, извозничество, корабейническая торговля

Для цитирования:

Нестерова И. С. Роль отхожих промыслов беломорских карелов (вторая половина XIX — начало XX века) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 30–38. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.004.

Original article

THE IMPORTANCE OF SEASONAL WORK OF THE WHITE SEA KARELIANS (THE SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES)

Irina S. Nesterova

Department of Foreign History, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, ines@petrsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7138-691X>

Abstract

The article is devoted to the study of the importance of seasonal work of the inhabitants of the White Sea Karelia, the search for ways of survival by the population of the region in difficult natural and climatic conditions. Marine fishing in Murmansk and the White Sea coast was of primary importance among the latrines for the population of Karelian volosts adjacent to Seaboard. Haulage served as another type of seasonal work, being characteristic of the population of the northern, western and southern volosts of the White Sea Karelia. The population of the western volosts, primarily Ukhta and Voknavolotsky, was more focused on peddling trade in Finland. At the same time, the occupation of haulage by the population of these regions, in our opinion, can be considered a mechanism of peddling trade. The study was carried out on the basis of domestic and foreign sources and research literature, which allow us to conclude about the predominant importance of latrines in the economy of the region. Agriculture was of secondary importance, being only an additional source of food for Karelian families.

Keywords:

White Sea Karelians, seasonal work, sea fishing, haulage, peddling trade

For citation:

Nesterova I. S. The role of seasonal work of the white sea karelians (the second half of the 19th — early 20th centuries) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 4. P. 30–38. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.004.

В рамках нашего исследования рассматривается хозяйственная деятельность жителей территории так называемой Беломорской Карелии, включавшей в себя центральные и западные волости Кемского уезда. Преимущественное внимание уделяется изучению отхожих промыслов в Ухтинской и Вокнаволоцкой волостях. Хронологические рамки охватывают период второй половины XIX — начала XX века. Источниковой базой послужили неопубликованные документы, представленные делами фондов Национального архива Республики Карелия (город Петрозаводск) и фонда Канцелярии генерал-губернатора Великого княжества Финляндского Национального архива Финляндии (город Хельсинки).

Наибольший интерес среди отечественных архивных материалов по изучаемой теме представляют рапорты волостных старшин податному инспектору Кемского и Кольского уездов Архангельской губернии¹, представляющие сведения о занятиях жителей Кемского уезда. Важно отметить, что разносная торговля в Финляндии как главное занятие жителей в обеспечении продовольствием и уплате податей упоминается в рапортах только Вокнаволоцкого и Ухтинского волостных старшин. Ценнейшим источником о численности занятых коробейным промыслом жителей Вокнаволоцкой волости стала подворная перепись волости за 1884–1885 годы², содержащая данные о количестве крестьян, занимавшихся коробейнической торговлей, о числе паспортов, выданных на ведение промысла, и суммах заработка отходников. В фондах Канцелярии генерал-губернатора³ содержатся сведения об истории развития разносной торговли на территории Финляндии; о правилах и принципах ведения торговли, приводятся поименные списки карельских торговцев-разносчиков Архангельской и Олонецкой губерний.

По причине суровости климата Беломорской Карелии прожить одним земледелием было невозможно, крестьянское население было вынуждено искать дополнительные источники дохода. Разносная торговля в Финляндии стала основным отхожим промыслом для большинства карельских семей приграничных и центральных волостей Кемского уезда. Именно этот вид промысла определял ситуацию в экономике региона. Коробейническая торговля для жителей указанных регионов имела такое же значение, как и морские промыслы для населения территорий, прилегающих к Поморью.

Первые сведения о приграничной торговле карельских крестьян на территории соседней Финляндии появились в путевых заметках, письмах, воспоминаниях ученых и писателей, отправлявшихся в Беломорскую Карелию искать утраченные элементы архаики «Калевалы». Например, Э. Лённрот⁴, предпринявший несколько поездок в Беломорскую Карелию, считавший карелов потомками легендарных бьярмов, отрицательной чертой развития коробейничества считает отвлечение крестьян от занятия сельским хозяйством.

Из группы опубликованных источников наиболее ценными, на наш взгляд, являются работы Н. Голубцова⁵, Н. Камкина⁶ и П. П. Чубинского⁷. Широкое развитие отхожих промыслов, по мнению Н. Голубцова, приводило к сокращению размеров и запустению пахотных земель, что, в свою очередь, способствовало угасанию и без того слабо развитого в крае сельского хозяйства. Н. И. Камкин в качестве одной из причин развития отхожих промыслов беломорских карелов указывает на запрет подсечного земледелия. П. И. Чубинский подробно характеризует развитие промысловой деятельности населения, выделяя внутренние и внешние (отхожие) промыслы жителей карельских волостей. Следует отметить, что представленные работы насыщены статистическим материалом, позволяющим проанализировать определенные аспекты хозяйственной деятельности беломорских карелов.

Общая характеристика экономического положения волостей Кемского уезда представлена в коллективных исследованиях [1, 2] и публикациях отдельных авторов⁸, так или иначе касающихся изучения промысловой деятельности населения Беломорской Карелии. Именно слабо развитое земледелие и скотоводство волостей Беломорской Карелии обуславливали необходимость поиска дополнительных путей заработка. Преимущественное значение получило сезонное отходничество.

Специального, комплексного исследования, посвященного отхожим промыслам беломорских карелов, в настоящее время не имеется. Обзору промыслов населения Беломорской Карелии посвящена статья И. П. Шаскольского [3], хронологические рамки которой охватывают период XVIII века. Среди исследований, посвященных изучению отдельных видов промысловой деятельности жителей Беломорской Карелии, следует выделить статьи Н. А. Кораблева, одна из которых посвящена

развитию рыболовного промысла в Карелии во второй половине XIX века [4]. Автор подробно рассматривает трансформацию промысловой деятельности в рамках морского рыболовства, касаясь вопроса изменения условий труда отходников. История развития приграничной торговли на территории соседней Финляндии также стала предметом отдельных исследований автора⁹. Помимо этого, необходимо отметить статью Н. А. Кораблева, вышедшую на финском языке и посвященную хозяйственной деятельности беломорских крестьян в пореформенный период [5]. Основное внимание в ней уделяется изучению приграничных отношений населения Олонецкой губернии и Великого княжества Финляндского. Извоз как промысловое занятие беломорских карелов пока не стал объектом исследования историков, упоминания об этом виде промысла представлены весьма фрагментарно. Извозничество обычно перечисляется в ряду прочих отхожих крестьянских промыслов. Нам представляется весьма вероятным рассмотрение извозного промысла крестьян Беломорской Карелии в направлении Финляндии как механизма корабейнической торговли.

Диссертация Д. В. Базегского¹⁰ посвящена изучению характера и динамики основных форм экономических связей Беломорской Карелии и Северной Финляндии. Наряду с анализом безвозвратной миграции, автор определяет корабейничество как сезонную миграцию карельского населения. Статья, опубликованная автором на финском языке, посвящена развитию торговых отношений приграничного населения России и Финляндии¹¹.

Зарубежные исследователи¹² называют причиной отходничества карельского населения для ведения корабейнической торговли на территории Финляндии слабое развитие сельского хозяйства, обуславливающее необходимость поиска дополнительного заработка на стороне. Особенно хотелось бы выделить исследования Т. Хямюнена, посвященные судьбам карельских корабейников, занимавшихся на территории соседней Финляндии разносной, а затем и стационарной торговлей [6]¹³.

Исследованиями, специально посвященными теме корабейной торговли на территории соседней Финляндии, являются монографии финских авторов М. Наакка-Корхонена [7] и П. Невалайнена [8]. К настоящему моменту это единственные работы, в которых интересующая нас тема рассмотрена в наиболее полном объеме. Наряду с анализом промысловой деятельности жителей Беломорской Карелии, в них изучаются вопросы организации, правил и традиций торговли карельских корабейников, пути и маршруты передвижения торговцев, отношение к ним финского населения.

Беломорская Карелия представляла собой глухой, изолированный край, лишенный дорожного сообщения. Летом передвижение было возможно пешком сквозь глухие леса по тропинкам, заросшим толстыми корнями, или по тонким жердям, затонувшим в топких болотах. Передвижение верхом затруднялось наличием множества речек и ручьев с парой переброшенных бревен, заменяющих мосты. Главной водной магистралью была река Кемь, ее притоки и система озер Куйтто. Зимой обычным способом передвижения служили лыжи. От Вокнаволока до первого населенного пункта в Финляндии — Раатэ — в начале XX века существовала выселочная¹⁴ дорога, пролегающая по озерам, болотам и лесам, на финской стороне переходящая в шоссе, ведущее вглубь края. В летнее время сообщение по этой дороге было развито слабо. Ситуация менялась с наступлением зимы. Установление санного пути делало этот маршрут востребованным. Крестьяне Ухтинской, Вокнаволоцкой, Кондокской волостей отправлялись на сопредельную территорию за покупкой муки, соли, пшена, чая, сахара, кофе, спичек, сельскохозяйственной продукции. Для продажи везли с собой рыбу, мясо, шкуры, дичь¹⁵.

В Беломорской Карелии земледелие никогда не составляло основу экономического благосостояния населения. По причине суровости климата оно было развито крайне слабо и имело скорее второстепенное значение, являясь своего рода подспорьем отхожим промыслам. В урожайные годы своего хлеба жителям Беломорской Карелии хватало на 3–4 месяца в году, а нередко население довольствовалось им лишь 1,5–2,5 месяца¹⁶. Даже в начале XX столетия степень развития земледелия оставалась крайне слабой. Дефицитность сельского хозяйства в Архангельской губернии составляла почти четверть от необходимого количества хлеба на душу населения. Из необходимых 18 пудов показатель по урожайности составлял всего 4,7 пуда¹⁷.

Хлебопашество для архангельских карелов являлось возможным лишь в силу применения подсечной (нивной) системы земледелия. Нивы устраивались в лесу на высоком месте, обращенном

к югу, защищенном от холодных ветров и удаленном от болот. Как правило, подсеки разрабатывались артельно, товариществами по два-три дома, с разделением урожая в соответствии с числом рабочих и количеством семян от каждого дома. Однако возделывание земли при так называемом нивном хозяйстве было делом весьма трудозатратным. Для посева каждый раз выбиралось новое место, поросшее смешанным, преимущественно лиственным (осина, береза, ольха), редколесьем, обработка которого затягивалась на три летних сезона, хлеб собирали лишь на четвертый год. Землю не пахали, сеяли рожь и бороновали. Ниву использовали только один раз, на второй год хлеб на ней не родился. На старые подсечные места возвращались через 15–20–30-летний период времени¹⁸.

К 70-м годам XIX века древесина стала важным источником экспорта, в результате чего правительство запретило использование системы подсечно-огневого земледелия. В особом положении оказались лишь крестьяне Кемского уезда, которым в виду малоземелья (на двор приходилось не более четырех десятин сельхозугодий), разрешались расчистки под постоянную пашню и сенокос в размере 15 десятин на душу с правом пользования без уплаты оброка в течение 40 лет. Однако население уезда практически не пользовалось предоставленной льготой в связи с ограниченностью рабочих рук, нехваткой удобрений, отсутствием удобных мест под расчистки вблизи мест проживания, а также ограничительным сроком использования. К началу XX века размер полевых угодий крестьянских дворов в Кемском уезде составлял в среднем 5 десятин наделных угодий и 0,5 десятины расчистки [1: 101]. На подсеках сеяли исключительно рожь, на полях преимущественно ячмень и овес. Из овощей выращивали брюкву, лук, репу и картофель. Неплохим подспорьем для карельских семей, особенно в неурожайные годы, служили дары леса: ягоды (брусника, вороника, незначительное количество черники, а в урожайные годы собирали морошку) и грибы (волнухи и грузди)¹⁹.

Помимо природно-климатических условий, на урожайность влияли другие факторы. Плохая обработка земли была связана, с одной стороны, с малочисленностью скота в крестьянских хозяйствах, с другой стороны, с отсутствием рабочих рук, связанным с широким участием мужского населения в отхожих промыслах. Летом полторы-две сотни карельских крестьян нанимались к богатым поморам на сенокос, получая за свои труды от 5 до 10 рублей на человека. Мужчины, побывавшие в Финляндии в качестве торговцев-коробейников, почти отвыкли от трудной физической работы. Те, кому в торговле не повезло, были вынуждены заниматься ведением хозяйства. Работа шла с неохотой, что сказывалось на качестве обработки почвы и на получение урожая²⁰.

Скотоводство также было развито слабо. Даже самые зажиточные карелы имели в своем распоряжении 4–5 коров, десятков овец и 1–2 лошади. У бедного населения Кемского уезда 1 корова приходилась на пятерых, одна овца — на трех, одна лошадь — на 15 жителей²¹. Неудовлетворительное состояние лугов и в целом недостаток сенокосов, поскольку более 90 % их приходилось на низкокачественные, заболоченные и лесные места [2: 262], сказывались на питании скота. Сеном кормили только лошадей. Коровам и овцам в корм шла солома, осока и пойло из березовых и ивовых листьев, различных трав, квашеных грибов и рыбных костей²². Помимо нехватки лугов, причиной недостатка сена являлись отлучки местного населения на промыслы, главным образом, на морские, приходящиеся как раз на период заготовки сена [3: 65].

Малочисленность домашнего скота вызывала отсутствие производства органических удобрений, которые можно было бы использовать для подкормки пашенной земли. Недостаток сенокосов, сказывавшийся на питании скота, в свою очередь, влиял на производство молочной продукции, которая могла бы стать прочным подспорьем в хозяйстве беломорских крестьян, особенно в неурожайные, голодные годы. Однако чаще всего домашний скот использовался в качестве обеспечения хозяйства тягловой силой и не рассматривался как источник получения дополнительного питания.

Домашней промышленностью карельское население занималось мало. Традиционным было плетение рыболовных снастей и изготовление туесков, предназначенных для сбора даров леса. Имеющиеся источники свидетельствуют, что выделка сукна из овечьей шерсти, выделывание кожи и овчины, ткачество не имели характера промыслов, а служили удовлетворению домашних нужд. В связи с введением пошлины на дрова потерял свою силу некогда значительно развитый в Беломорской Карелии кузнечный промысел. К концу XIX столетия им занимались лишь несколько человек в селе Маслозеро²³.

Среди основных подсобных промыслов беломорских карелов следует выделить рыболовство и лесную охоту. Рыболовством занимались круглый год, однако промысловое значение имели только весна и осень. Рыбы, выловленной весной, хватало на прокорм в течение всего лета, а осенний улов частью заготавливался на зиму в соленом и сушеном виде, а частью предназначался к продаже. Лов рыбы, в силу дороговизны неводов, стоимость которых составляла от 60 до 100 рублей, часто осуществлялся совместно двумя, а иногда и тремя-четырьмя, соседними домами. Неводы закидывались один за другим по очереди, выловленную рыбу делили между собой поровну, даже если в каком-либо неводе улова не оказывалось совсем. Принцип общинности признавался за закон²⁴.

Промысел лесной охоты в центральных волостях Беломорской Карелии не имел решающего значения. В рапорте вокнаволоцкого волостного старшины содержится прямое на это указание — лесной промысел птицы и зверей не имел «никакого значения для существования»²⁵. Лесным промыслом занимались преимущественно жители Кестенгской и Юшкозерской волостей Кемского уезда. Ограничительный характер промысла был связан с необходимостью наличия ружья, поскольку применение петель, силков и сетей было строго воспрещено.

Таким образом, существовать за счет рыболовства и охоты при слаборазвитом сельском хозяйстве жители карельских волостей просто не могли, они были вынуждены искать источники дохода за пределами мест своего проживания. Главными отхожими промыслами беломорских карелов стали рыбные промыслы на Мурмане и на побережье Белого моря, извозный промысел и корабельническая торговля — на территории соседней Финляндии.

Для населения карельских волостей Беломорской Карелии, прилегающих к Поморью, самым популярным был отход на рыбные промыслы побережья Белого моря. «С окрестностей Кемь, с. Сумы... едут люди — так называемые мурманские — в Кандалакшу и оттуда к Ледовитому океану на рыбную ловлю... рыбак за лето может заработать 100–200 рублей и даже больше»²⁶. Во второй половине XIX века в ловле рыбы на Мурмане были задействованы от 500 до 2.500 карельских крестьян. Если в начале пореформенного периода преобладала внутрисемейная или межсемейная кооперация (артели), то на рубеже XIX–XX столетий преобладающей формой организации труда стал наем рабочих с повременной оплатой труда. Промышленники собирались к морю в марте. На промысел, наряду со взрослыми мужчинами, отправлялись мальчики 7–15 лет. На берегу устраивались становища — небольшие жилые избы — темные, тесные и сырые помещения, а также амбары для соленья и хранения рыбы. Промысел производился артелями под главенством богатого помора — владельца судна и рыболовных снастей; 2/3 улова получал хозяин и 1/3 — работник. На Мурманском берегу в огромном количестве ловили треску, палтус, сайду, пикшу и камбалу. Основную часть выловленной рыбы у промышленников приобретали скупщики, которые перепродавали ее торговым дельцам, приезжавшим из Олонецкой и Вологодской губерний, либо самостоятельно вывозили в Архангельск, Петербург, Москву или на Шуньгскую ярмарку Олонецкой губернии, продавая ее со значительной для себя выгодой [4: 133–136].

Крестьяне целого ряда карельских волостей Кемского уезда занимались извозом. Жители северо-восточных карельских волостей (Кестенгской, Вычетайбольской) привозили хлеб для местной продажи в казенных магазинах из Поморья. В обратном направлении, на оленях, осуществлялась перевозка промышленников, отправлявшихся на Мурманский берег. Население пограничных с Олонецкой губернией волостей, а также жители Карельского перешейка преимущественно занимались извозом и отходничеством в столичный город Петербург. Крестьяне южных волостей — Тунгудской и Юшкозерской — занимались доставкой в Олонецкую губернию, прежде всего на Шуньгскую ярмарку и обратно, товаров местных богачей: рыбы, птицы, пушного товара, льна, пеньки, мыла и прочего. Жители западных, приграничных с Финляндией регионов — Вокнаволоцкой, Ухтинской волостей — в зимнее время занимались извозным промыслом, доставляя продукцию на ярмарки в финские города — Куопио, Торнио и Каяни. За зиму сумма дохода извозчика достигала 15–24 рублей на человека²⁷. На наш взгляд, доставку товаров на ярмарочные торги в Финляндию жителями Ухтинской и Вокнаволоцкой волостей вполне можно рассматривать как механизм корабельничества. Известно, что наиболее состоятельные торговцы использовали для доставки товаров на сопредельную

территорию лошадь и сани или обоз, что позволяло увеличить ассортимент предлагаемых к продаже товаров, а также способствовало расширению географии ведения торговли.

По мнению ряда исследователей, в конце XIX века побочные заработки приносили беломорским карелам около 70–80 % всех доходов [5: 69; 6: 99]. В ходе изучения материалов, относящихся к началу XX века, мы пришли к выводу, что средняя доходность отхожих промыслов составляла примерно 60–70 %. Доход от земледелия населения карельских волостей Кемского уезда в этот период составлял 231.025 рублей (34 %), тогда как побочные заработки (внутренние и отхожие промыслы) достигали 452.956 рублей (66 %)²⁸. Преобладание промысловой деятельности определяло профиль экономики региона. Занятие отхожими промыслами приносило более стабильный, в сравнении с земледелием, доход.

Для жителей центральных волостей Кемского уезда — Ухтинской и Вокнаволоцкой — основным видом промысла в приграничье, единственным источником дохода и решающим фактором развития экономики региона являлась корабельническая торговля в Финляндии²⁹. Торговля велась на всей территории Финляндии: на юге края ее развитие было обусловлено более высоким уровнем зажиточности и плотности населения. Основными же районами торговли были Вазаская, Абоская, Санкт-Михельская губернии на севере и в центральной части страны, напротив, с менее плотной заселенностью территорий и часто отдаленностью от мест ведения стационарной торговли. Общей чертой, характерной для территории всего края, служила неразвитость сельской торговой сети. В середине XIX века крестьяне одного только Кемского уезда ежегодно от продажи товаров выручали до 20.000 рублей [9: 84]. Согласно подворной переписи Вокнаволоцкого волостного правления за 1884–1885 годы доход от разносной торговли составлял от 25 до 150 рублей на двор в зависимости от количества промысловиков³⁰. Ассортимент предлагаемых корабельниками товаров был достаточно широким. Преимущественное значение имели товары для женщин: кружева и ленты, иглы, пуговицы, наперстки, крючки для вязания, нитки и ножницы; для мужчин предлагались рыболовные крючки, курительные трубки и табак. Главную статью продаж в Финляндии составляли ткани.

Процветанию корабельничества способствовало отсутствие таможенной охраны на границе. Таможни располагались лишь на берегу Белого моря и Ботнического залива. Вся пограничная территория представляла собой открытую возможность для ведения контрабандной торговли³¹. Этническая и языковая близость также способствовали развитию промысла. Те, кто ходили в Финляндию, финский язык знали «не хуже своего»³².

Немаловажной причиной корабельничества можно считать силу традиции промысла, передаваемого из поколения в поколение. Обучать мальчиков корабельничеству начинали с 14–15-, а иногда и 12-летнего возраста. Период обучения составлял один-два торговых цикла. Участие мальчиков в торговле в разное время вместе с отцом, дядей или братом способствовало знакомству с профессией корабельника, маршрутами передвижения и местами отдыха. Главное, чему должен был научиться юный торговец — уметь представить товар, вести торг и отмерять ткань.

С изданием в 1859 году указа, разрешившего финским гражданам благонадежного поведения основание лавок в сельской местности, карельские корабельники оказались в ситуации конкуренции. Однако они сумели использовать изменившуюся ситуацию в своих интересах, став разносчиками товаров городских и сельских купцов края³³. Это обстоятельство можно считать специфической чертой разносной торговли второй половины XIX столетия. Преимущественным способом ведения торговой деятельности в первой половине века была доставка товаров для продажи с территории России.

Корабейниками были мужчины в возрасте от 15 до 60 лет. Торговать отправлялись осенью, когда сельскохозяйственные работы были завершены. Корабейники каждой местности группами начинали путь на веслах по озерам и порогам рек, пешком по дремучим лесам. Финляндия была разделена на торговые округа. У каждой карельской деревни была своя собственная торговая территория и свой маршрут. Сын часто наследовал торговый путь своего отца, который затем мог передаваться из поколения в поколение. Каждый из приходов своего маршрута корабейник посещал обычно 3 раза за год. Весенний цикл использовался для получения долгов, образовавшихся у местных жителей за осенний и зимний период. Для торговца-разносчика наиболее желательной была сделка за наличные деньги, однако особенно в отдаленных местностях, наличные были редкостью, чаще всего практиковалась меновая торговля. Свой товар корабейники меняли главным образом на шкурки лесных зверей — белок, горностаев, лисиц. Иногда карельские торговцы вели торговлю в долг. Но делали они это только в том случае, если хорошо знали своих клиентов [8: 186].

Сельское хозяйство не стало ведущей отраслью Беломорской Карелии, оно имело второстепенное значение в экономической жизни региона. Суровый климат не способствовал развитию земледелия, недостаток лугов отразился на слабом развитии скотоводства. Отсутствие крупных промышленных и торговых центров, малопродуктивность внутренних промыслов, а порой полное их отсутствие, обуславливали необходимость поиска путей дополнительных заработков. Территориально-климатические условия предопределили промысловый профиль экономического развития Беломорской Карелии. Определяющей в контексте хозяйственного уклада жителей карельских волостей стала стратегия выживания в процессе приспособления к окружающим условиям жизни. Инструментами выживания в данном случае служили отхожие промыслы, оказавшие свое влияние в том числе на мировоззрение и культурные традиции карельских крестьян.

Список сокращений

КА — Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии (город Хельсинки))

ККК — Kenraalikuvernöörinkanslia (Канцелярия генерал-губернатора)

НА РК — Национальный архив Республики Карелия

Примечания

¹ НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5/41.

² НА РК. Ф. 665. Оп. 2. Д. 1/1.

³ КА. ККК. Fa 92, 130, 224, 422, 797, 1093, 1178, 1411... etc.; Fb 6, 40, 46, 47, 87, 305, 788... etc.; Hd 8.

⁴ Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842 гг. Петрозаводск, 1985. 318 с.

⁵ Голубцов Н. Кемский уезд // Памятная книжка. Архангельская губерния на 1912 г. Архангельск, 1913. С. 92–132.

⁶ Камкин Н. 1) Архангельские корелы. Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. Ежемесячный исторический журнал. 1880. XVI, 2. С. 293–296; 2) Из Кемского уезда // Труды императорского вольного экономического общества. 1875. Т. 3. С. 446–553.

⁷ Чубинский П. П. Статистико-этнографический очерк Корелы // Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1865 г. Кн. 2. Архангельск, 1866. С. 65–134.

⁸ Нефёдова Г. А. Краткая характеристика сельского хозяйства и расслоения карельской деревни во второй половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. VII. Вып. 1. Петрозаводск, 1958. С. 27–40; Тароева Р. Ф. Средства и способы передвижения у карел в дореволюционное время (конец XIX — начало XX вв.) // Труды Карельского филиала академии наук СССР. 1959. Вып. XXII. С. 39–51; Дубровская Е. Ю. Социально-экономическое положение карельских уездов в конце XIX — начале XX в. Петрозаводск: Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории, 1989. 24 с.; Кораблёв Н. А. Экономическое развитие Беломорской Карелии в пореформенный период XIX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 51–60.

⁹ Кораблёв Н. А. К истории развития неземледельческого отхода в Карелии в пореформенный период // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 62–68; Кораблёв Н. А. Приграничная торговля крестьян Карелии во второй половине XIX в. // Россия и страны Северной Европы: из истории приграничных отношений в XVI–XX вв. Петрозаводск, 2003. С. 24–31.

¹⁰ Базегский Д. В. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX — начале XX в. Диссертация. Петрозаводск, 1998. 173 с.

¹¹ Bazegski D. Vienan karjalaisten laukkukauppa Venäjän ja Suomen kauppasuhteet 1800-luvulla ja 1900-luvun alussa // Kainuussa ja Vienassa. Joensuu, 1997. S. 77–89.

¹² Heinänen H. Laukkukauppaa Kainuun rajaseutukunnissa 1880–1918 // Scripta historica XXVII. Rohkea, reima ja horjumaton. Oulu, 1998. S. 173–186; Heinänen H. Kainuun laukkukauppaa autonomian ajan lopulla // Rihma — aineksia. Kajaani, 1999. S. 13–18; Heinänen H. Vienalaista kaupankäyntiä Pohjois-Suomessa autonomian ajan lopulla // Karjalan heimo. 2002. № 5–6. S. 71–73; Hämynen T. Karjalan yhteiskunta ja talous 1800-luvun lopulta toiseen mailmansotaan / Karjala. Historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, 1998. S. 153–206; Nuutinen H. Maakauppias. 1907–1920. Tampere, 1966. 280 s.; Ranta R. Vienan ja Kainuun kaupalliset suhteet menneinä vuosisatoina // Rajamailta III. Vammala, 1997. S. 125–152; Rytölä H. Karjala Kainuussa. Rajakyläiden vaiheita 1700-luvun lopulta 1920-luvulle. Jyväskylä, 2005. 416 s.; Ranta R. Vienan kauppayhteydet Suomeen/karjalan heimo. 1994. № 5–6. S. 90–92; Vaara P. Uhtuan Andronoffit Viena-kirjallisuudessa // Karjalan heimo. 2004. № 5–6. S. 76–82; Vuoristo S. Vienan ja Aunuksen miehiä kauppiaina Keski-Suomess // Karjalan heimo. 1990. № 3–4. S. 36–40.

¹³ Hämynen T. Raja ei erottanut – karjalaisen laukkukaupan monta vuosisataa // Kainuussa ja Vienassa. Joensuu, 1997. S. 55–74.

¹⁴ Выселочные дороги соединяли самые глухие места Карелии, находящиеся вне трактов и проселочных дорог. Особенностью таких дорог являлось то, что они не сразу были заметны глазу. В особенности, передвигаясь по болотам, путнику приходилось ориентироваться по солнцу, а в случае его отсутствия — по деревьям, располагавшим более густые ветви в южном направлении.

¹⁶ Бубновский М. Пути сообщения в Архангельской Карелии. Петрозаводск, 1917. С. 19.

¹⁷ ККК. Fa 1798/15V. S. 37–38.

¹⁸ Петров М. Общий взгляд на кустарную промышленность Русского Севера // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. №14. 15 июля. С. 629.

¹⁹ Камкин Н. Архангельские корелы. Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. СПб., 1880. XVI, 2. С. 297–299; Н. К. Из Кемского уезда // Труды императорского вольного экономического общества. 1875. Т. 3. С. 451.

²⁰ Чубинский П. П. Указ. соч. С. 77–78.

²¹ Б-ков М. О Карелии // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1913. № 3. 1 февраля. С. 108; Камкин Н. Архангельские корелы. Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. СПб., 1880. XVI, 4. С. 653.

²² Н. К. Указ. соч. С. 447.

²³ Камкин Н. Архангельские корелы. Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. СПб., 1880. XVI, 2. С. 300–301.

²⁴ НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 74 об.

²⁵ Камкин Н. Архангельские корелы. Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. СПб., 1880. XVI, 2. С. 303–305.

²⁶ НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5/41. Л. 41.

²⁷ Путешествия Элиаса Лённрота... С. 197–198.

²⁸ Камкин Н. Архангельские корелы. Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. СПб., 1880. XVI, 4. С. 652–653.

²⁹ Посчитано по: Голубцов Н. Указ. соч. С. 125.

³⁰ Посчитано по: Чубинский П. П. Указ. соч. С. 86–87, 90, 93–94; Архангельская Карелия. Архангельск, 1908. С. 36; Голубцов Н. Указ. соч. С. 125.

³¹ НА РК. Ф. 665. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 2–10 об.

³² КА. ККК. Fb 788/7–13.

³³ Бубновский М. И. Контур Архангельской губернии. Архангельск, 1914. С. 30.

³⁴ КА. ККК. Fa 1791/IVb.

Список источников

1. Баданов В. Г., Кораблев Н. А., Жуков А. Ю. История экономики Карелии. Книга 1. Экономика Карелии со времени вхождения края в состав единого Русского государства до Февральской революции. Конец XV – начало XX веков. Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. С. 192 с.
2. История Карелии с древнейших времен до наших дней / под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 944 с.
3. Шаскольский И. П. Промыслы Беломорской Карелии в XVIII в. // Историческая этнография: Русский Север и Ингерманландия: межвузовский сб. / под ред. И. Я. Фроянова. СПб., 1997. С. 65–73.
4. Кораблев Н. А. Морское рыболовство Карелии во второй половине XIX в. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1980. С. 132–136.
5. Korablev N. Vienan Karjalan talonpoikien taloudellinen toiminta 1800-luvun jälkipuoliskolla // Kainuussa ja Vienassa. Joensuu, 1997. S. 91–102.
6. Hämynen T. Rajako railona aukeaa? // Karjalan heimo. 1997. № 5–6. S. 69–71.
7. Naakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Helsinki: Suomal. kirjall. seura, 1988. 294 s.
8. Nevalainen P. Kulkukauppiaista kauppaneuvoksiin. Itäkarjalaisten liiketoimintaa Suomessa. Helsinki: Riika, 2016. 294 s.
9. Heikkinen A. Raja railoutuu. Vienan laukkukaupan kriisi 1830-luvulla // Kahden Karjalan välillä. Kahden riikin riitamaalla. Tampere, 1994. S. 77–87.

References

1. Badanov V. G., Korablev N. A., Zhukov A. Yu. *Istoriya e'konomiki Karelii. Kniga 1. E'konomika Karelii so vremeni vxozhdeniya kraya v sostav edinogo Russkogo gosudarstva do Fevral'skoj revolyucii. Konec XV-nachalo XX vekov* [History of the Economy of Karelia. Book 1. The Economy of Karelia from the Time of the Region's Incorporation into the Unified Russian State to the February Revolution. Late 15th–Early 20th Centuries]. Petrozavodsk, PetroPress, 2005, 192 p.
2. *Istoriya Karelii s drevnejshix vremyon do nashix dne j* [The history of Karelia from ancient times to the present day]. Petrozavodsk, Periodika, 2001, 944 p.
3. Shaskol'skij I. P. *Promy'sly' Belomorskoj Karelii v XVIII v.* [Crafts of White Sea Karelia in the 18th century]. *Istoricheskaya e'tnografiya: Russkij Sever i Ingermanlandiya: Mezhvuzovskij sbornik* [Historical Ethnography: Russian North and Ingria: Interuniversity Collection]. SPb., 1997. pp. 65–73.
4. Korablev N. A. *Morskoe ry'bоловство Karelii vo vtoroj polovine XIX v.* [Marine fisheries of Karelia in the second half of the 19th century]. *Voprosy' istorii Evropejskogo Severa* [Questions of the history of the European North]. Petrozavodsk, 1980, pp. 132–136.
5. Korablev N. Vienan Karjalan talonpoikien taloudellinen toiminta 1800-luvun jälkipuoliskolla. Kainuussa ja Vienassa. Joensuu, 1997, pp. 91–102.
6. Hämynen T. Rajako railona aukeaa? Karjalan heimo, 1997, no. 5–6, s. 69–71.
7. Naakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Helsinki, Suomal. kirjall. seura, 1988, 294 s.
8. Nevalainen P. Kulkukauppiaista kauppaneuvoksiin. Itäkarjalaisten liiketoimintaa Suomessa. Helsinki; Riika, 2016, 294 s.
9. Heikkinen A. Raja railoutuu. Vienan laukkukaupan kriisi 1830-luvulla. Kahden Karjalan välillä. Kahden riikin riitamaalla. Tampere, 1994, pp. 77–87.

Информация об авторе

И. С. Нестерова — старший преподаватель.

Information about the author

I. S. Nesterova — Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 06.08.2025; одобрена после рецензирования 23.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 06.08.2025; approved after reviewing 23.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.